

Платье творца

*Учитель (на ухо ученику): Коля, незаметно выйди из класса
и переодень рубашку. Ты ее надел наизнанку!*

*Ученик: Не волнуйтесь, Виктор Васильевич,
это так задумано...*

случай на уроке истории в 11 «А»

*Все зеркала связующие нас
давно отражены в других пространствах
поэтому впадающие в транс
всегда обнажены в зеркальном транс*

Константин Кедров. «Зеркальное дежавю»

Лицо

Почти каждое утро я просыпаюсь от мучительного нежелания идти на работу. Едва открываю глаза, и вместе с (тусклым, ярким, пасмурным, солнечным – нужное подчеркнуть) светом через разлетающиеся шторы ресниц в мозг врывается колюще-режущая душу мысль: «Опять!».

Самое простое (и, безусловно, разумное) в этот момент – капитулировать и, выбросив белый флаг в форме за минуту натянутых синих джинсов, мчаться по делам.

Но я - человек чувства, а не долга. И просто так не сдаюсь. Десять минут лежу в постели, с надеждой прислушиваясь к каждому органу, о существовании которого мне периодически напоминает мой условно здоровый организм. Не болит ли драгоценная голова? Не ноет ли дорогой желудок? А что нам скажет милейшее горло? И, убедившись, что с ними все в порядке, разочарованно вздыхаю: «Значит, все-таки опять...»

В этот момент самая тонко организованная часть меня, в быту именуемая ленью, прибегает к избитому, но от того ничуть не менее действенному доводу: «Ты же сама назначила эти встречи. И никто не заставляет тебя на них идти. Так почему бы их не перенести на завтра? Встанешь пораньше, энергичная, бодрая, и пойдешь. Тогда сегодня можно целый день читать, гулять, ходить по магазинам. Вот телефон! Позвони, а?»

«Совсем как в школе», - снисходительно усмехается рациональная часть моей личности, в психологии именуемая Я-родитель. И заставляет состоящее из сотни разнородных субстанций целое, определяемое паспортом гражданина РФ как Наталия Губарева, чистить зубы, принимать душ, кормить кота, пить вредный для дорогого желудка кофе и, почти смирившись со своей горькой участью, выдвигаться на работу.

Между тем, профессия у меня довольно интересная. Я придумываю людей.

«Как?» - скажете вы. - Неужто Вы писатель?! Быть такого не может! Профессиональный писатель никогда бы не позволил себе утомлять нас шестью предыдущими абзацами. Или Вы модный художник, изображающий людей с песьими головами и пририсовывающий им разные избыточные части тела? Или безумный биолог, решивший не мучить овец зазря, а сразу приступить к клонированию homo sapiens?

«Нет, нет и еще раз нет! – отвечу я. - Я – журналист!»

«В чем же тогда выдумка? – еще ближе друг к дружке сдвинет брови читатель.- Вы встречаетесь с разными людьми, общаетесь на различные темы и доносите содержание этих бесед до аудитории. Какой вымысел?! Хватит уже морочить нам голову!»

В ответ чистосердечно признаюсь, что, во-первых, бросить морочить вам голову никак не могу. Ибо это – неотъемлемая часть моей профессии.

А во-вторых... Безусловно, журналист встречается с реальными людьми, которые говорят о разных умных вещах (при ближайшем рассмотрении – филигранных глупостях),

после чего, стараясь передать особенности авторской речи и по возможности не исказить смысл слов визави, транслирует полученную информацию через СМИ. Все так. Но есть у этого процесса и другая сторона, касающаяся не информации, а ее источника.

Оставим в покое материалы, где на первый план выходит событие, а журналист - генератор людей, загнанный в малогабаритные рамки безликих новостей, праздно курит в газетном подвале. Поговорим о зарисовках, очерках, интервью или эссе, в которых действуют люди. Вернее, принято считать, что люди. На самом же деле даже в портретном очерке, преследующем цель как можно ближе познакомить вас с человеком, со страницы газеты на вас смотрит не реальный Иван Петрович Будкин, а Иван' Петрович' Будкин'. Персонаж. Или человек, которого для вас создала я.

В отличие от младенцев, приветствующих мир недовольным побряхтыванием и всем своим несчастным видом высказывающих все, что они о нем думают (никакого жизнеутверждающего крика, поверьте - я присутствовала при родах), персонажи не рождаются. То есть не появляются из лона журналистской фантазии целостными, отдельными личностями. А, как и все големы, медленно возвращаются, благодаря замысловатым, но все же вполне постижимым приемам журналистской алхимии. Это в глазах людей, далеких от черно-белой медийной магии, создатель этих существ - великий волшебник. По сути - лишь жалкая пародия на творца.

Как всякий продукт, персонаж готовится поэтапно. Сначала появляется фундамент, на который опирается будущая конструкция героя. Им может стать интонация или тембр голоса. Иногда - глаза или улыбка. Гораздо реже - жест. Чаще - манера говорить.

Словесный поток собеседника - мутная жижа. Журналист - старатель, задача которого - разглядеть в этом болоте драгоценные камни, часть из которых, незаметно для читателя, я спрячу в основание фундамента. Другие (самые крупные и тяжелые) - прилажу на фасад как элемент декора. Так, что даже самый близорукий из вас не сможет пройти мимо, не зацепившись взглядом.

Может показаться, что газетный материал почти целиком строится на человеческом. А журналист - только каменщик, механически собирающий кирпичики воедино. Это - видимость. На самом деле любой персонаж содержит в себе автора. А его несущая часть - это мое видение и ощущение его реального двойника.

Почувствовать человека, которого ты никогда не видел до и, быть может, никогда не встретишь после... Это -...не сложно, не интересно и даже не захватывающе. Это - странно. С усыпляющей бдительностью улыбкой принять стандартные заготовки, которые человек придумал при подготовке к встрече. Мгновенно взвесить эти кирпичики, быстро отобрав самые удачные. А потом - ворваться туда, куда он никогда собирался тебя пускать. Туда, где висит по-европейски вежливая табличка «No exit» или по-русски крест-накрест заколочены двери. Проникнуть на секунду, даже долю секунду, дабы это место не потеряло своего очарования. Флера тайны. Сезама, что не открылся, но на секунду показал свои сокровища.

Все. Этого достаточно, чтобы унести с собой вытяжку. Позже из нее родится аромат.

Идя домой, я бережно несу человека в себе, боясь расплескать. Конечно, через несколько часов часть его испарится под солнцем новых эмоций, часть выветрится на сквозняке городской суеты. Останется то, что осядет в моей причудливой женской эмоционально-ориентированной памяти. А потом, собранное по кусочкам и связанное воедино, возьмете в руки вместе с газетой или журналом вы.

И будете думать, что это настоящий Иван Петрович Будкин. В то время как перед вами - Будкин дистиллированный, не раз отфильтрованный и перегнанный через замысловатое устройство журналистского восприятия. Обычно гораздо лучший, чем тот, кто открылся мне за пару часов беседы. Гораздо более складно говорящий. С идеальной биографией, на прокрустовом ложе которой остались лишь подвиги на благо (Родины, профессии, любимого дела - нужное подчеркнуть), образцовая семья и тонкие размышления о возвышенном. Подлости, ошибки, интрижки, мелочность, жадность и

другие противные недостатки остаются в контексте. Который вам знать не нужно. Иначе он убьет текст. А значит, и персонажа.

В общем, можно было бы сказать, что каждый герой – упрощенная циником-журналистом схема. Примитивное создание. Неандерталец информационного общества. Можно, если бы не одно (давно ставшее газетным штампом) «но». А именно – вдохновение, приближающее мое ремесло к искусству.

Вдохновение журналиста – это не слезы радости писателя. Это – не вдох пьянящего воздуха высших сфер. Напротив, то выброс собственного органического вещества, доза которого оживляет моего голема. Получив эту инъекцию, он не станет человеком. Зато начнет существовать отдельно – как от автора, так и от прототипа.

Вот она – магия медиа, действующая по законам ремесла и обладающая эффектом искусства! А именно – способностью персонажей вызывать настоящие чувства – любовь, раздражение, жалость, сострадание у живых людей. К слову сказать, не только у читателей, но и, что гораздо более странно, у своего создателя. И я – не исключение.

Я люблю своих персонажей. Иногда гораздо больше, чем их прототипов. Они благородны, интеллигентны и возвышенны. Они улыбаются из своего прекрасного аквариумного мира, и тончайшая непреодолимая перегородка защищает меня от созданий, с которыми я с превеликим удовольствием знакомлю вас. И с огромной радостью перезнакомила бы этих достойных господ между собой. Ненавижу только одно – представлять придуманного героя его реальному двойнику.

Не люблю. Потому что боюсь: «А как он ему понравится?». Хотя именно этот страх, как правило, менее всего оправдан. Люди настолько влюбляются в свое медийное отражение, что даже не замечают границы между им и собой. «Вы уловили не только то, о чем я сказал, но и то, о чем думал», «говорили не со мной, а с моей душой», – такие комплименты, безусловно, долго греют журналистскую душу.

И все-таки живет внутри какая-то тревожная неловкость, угрожающая дорости до размеров вины. За что? Возможно, за то, что создал самостоятельное существо. И кто знает, каким эхом оно отзовется из своего газетно-журнального зазеркалья....

...Если есть где-то специализированный журналистский ад, думаю, поддавать огоньку бывшим классным профессионалам там будет не кто иной, как их самые удачные персонажи.

«А есть ли где-нибудь журналистский рай?» – раздастся вопрос из воображаемого зала. Стратегически вернее было бы усмехнуться и сказать, что для представителей второй древнейшей его по определению быть не может. Но я сегодня не в настроении позерствовать. Поэтому промолчу.

Изнанка

Если муза Ахматовой – муза плача, в то время как муза Пушкина – таинственная дева, наигрывающая юному АСу на свирели, когда муза Некрасова – страдающая крестьянка, сестра народа, а муза Джойса – незнакомка, встреченная однажды на берегу, моя муза (если предположить сам факт существования таковой) – муза сантехники.

И в этом нет ничего смешного. Ибо все самые интересные идеи, благозвучные строчки и точные слова приходят ко мне аккуратно в тот момент, когда я поворачиваю кран в ванной. И вот, в образе сурового мужчины с небогатым словарным запасом и топорными манерами, муза спускается в мою ванную, чтобы прокричать что-то и быстренько смыться, пока не заставили корпеть над всем текстом целиком.

Поэтому, за исключением драгоценных перлов, небрежно уроненных этим пусть и малообразованным, но все же высшего порядка существом, искать в моих текстах нечего. Увы!

Как и всякого сантехника, дозваться мою музу нелегко (иначе все было бы слишком просто: пара-тройка тысяч поворотов крана – и «Улисс» XXI века готов. Получи, человечество, распишись!. Поэтому, как обычно, приходится безропотно ждать Его Пролетарское Высочество, с интересом гадая, как он тебя облапошит на этот раз.

И все же без музыки пишущему никак нельзя. Как ни крути, только она способна помочь ему справиться с нелегкой работой - придумыванием себя.

«Вы что же, играете перед нами?» - вконец ошалев, брызнет слюной читатель, запутавшийся в моей словесной дамской паутинке еще после первых шести абзацев. «Ну, не совсем», - невинно опущу глаза я. И, взирая из-под длинных (спасибо бабушке по материнской линии) ресниц на свое отражение в тексте, в который раз крепко задумаюсь над вопросом: «Играю? Да нет же, вроде вполне искренна! И в то же время – совсем нет....».

Что за чудо с взъерошенными волосами и опухшим лицом уставилось на меня осовелым взглядом? Ой, да это же я, только с утра! А эта чаровница, которая глядит так, будто я- Абрамович, пять минут назад снова ставший холостяком? Неужели снова я, только перед свиданием? И зареванное существо, прорывавшее полчаса из-за того, что он уже три дня не звонил, и румяный колокольчик, смеющийся после долгожданного телефонного разговора – отражения одного и того же человека? Как же такое возможно?

Примерно такое направление могли бы принять мысли моего запутанного читателя, будь он чуть более склонен к рефлексии и чуть менее погружен в житейские заботы. Автор же – человек, который пытается встать на цыпочки и чуть-чуть приподняться над реальностью. Долго, конечно, простоять не удастся – неудобно ведь, на цыпочках-то. Но если он все-таки делает это усилие, то, глядя на себя в тексте, испытывает те же ощущения, что и человек, изучающий собственное зеркальное отражение.

Разочарование, раздражение, восторг – все вторично. Главный тон в этой палитре чувств – удивление. Тому, что ваше собственное «я», всегда статичное и неизменное, так по-разному отражается в словесной амальгаме. И что еще более непостижимо... почему-то всегда идентифицируется окружающими с тобой, на самом деле совершенно другим!

Чтобы произвести благоприятное впечатление, приходится следить за собой. Не носить протершиеся носки. Не надевать платья, которые полнят. И помнить, чтобы белье не выглядывало из-под джинсов с заниженной талией.

Можно ли сказать, что это - игра? Означает ли, что, разглаживая мятую рубашку, чтобы она лучше сидела, ты желаешь надуть окружающих? Нет! Просто желание хорошо выглядеть и нравиться, прежде всего, себе, - обычное свойство человека, смотрящего в зеркало. И не важно, из чего оно сделано – из металла и стекла или сплава лексики, синтаксиса, морфологии и пунктуации.

Но вот наступает момент, когда ты решаешься освободиться от всех покровов и предстать перед читателем настоящим! В экстазе доверия срываешь с себя надоевшее тряпье - вымышленных героев, каламбуры, гротеск и иронию, образ автора и лирического героя... Разоблачаешься, ликуя: « Ну наконец-то они узнают меня такой, какая я есть!».

И что же ты видишь перед собой?

Обнаженное зеркало.

«Ты ли это?» – в который раз пытаю себя я, заглядывая в его глубину, в самые искренние из своих нежурналистских текстов. И в который раз убеждаюсь - нет. Точнее, я. Только снова придуманная. Чуть более ироничная, гораздо более уверенная в себе экзальтированная барышня, имя которой – Наталия Губарева. Но это - не мое настоящее «я», совсем не то «я», что живет там, вне зеркальной зоны. Это - Наталия? Губарева', которую я преподнесла вам на подносе с красной каемочкой, приготовив по особому, до конца непонятному самой рецепту.

Поди сделай два раза одно и то же блюдо с абсолютно идентичным вкусом. Попробуй, получи дважды одинаковое отражение в зеркале. Не получится! Вот и в тексте каждый раз присутствует не «я», а двойник, аватар. Сегодня, когда у каждого второго есть аккаунт в социальной сети, ощущения автора, удивленно созерцающего свой внешний образ, может узнать каждый.

Однако то, что ты чувствуешь тайну, вовсе не приближает тебя к ее разгадке. И вечный философский вопрос о том, где прячется это таинственное «я», по-прежнему остается без ответа.

Точно найденное слово, создав на секунду иллюзию «я»- тактильности, снова растворяется в мировом океане Текста. Любимое слово Достоевского – «невыразимый» – точнее всего подходит для описания феномена «я», скрытого в его глубине. Именно ее, мыча, заикаясь, раздражаясь, пытались выговорить его многочисленные персонажи, а через них – и сам автор.

Как она рождается, эта глубина? Тайна сия велика. Но, подозреваю, дело тут в сопротивлении слова, которое вот уже десятки веков тщатся преодолеть писатели. И в сопротивлении души, не желающей открывать свой волшебный ларец даже собственному номинальному хозяину.

Если же великая тайна вдруг будет разгадана, герой автоматически станет тождественным автору. А творчество перестанет быть и сокровищницей смыслов, превратившись в сложный, но все же подвластный пониманию человеческого разума конструкт космического корабля, который унесет нас в другую галактику. Все вопросы останутся в прошлом. И зеркала потухнут. И рухнет мир, в начале и центре которого было Слово. Потому что координаты загадочного «я», которое, вооружившись всеми фонарями из арсенала философии, литературной критики, социологии ищут ученые, будут четко определены. Закончится великая игра в прятки между человеком и писателем. И возникнет новый мир, стоящий на никому не известных пока китах.

Пока же автор по-прежнему придумывает себя, собирая из интонации, секундных интенций, ненужного многословия и закрепляя ключом на 10, который любезно подбросила муза-сантехник. А внутренний читатель, благоразумно решивший, что всякое сопротивление бесполезно и даже опасно, давно посапывает в кушетке напротив.

...Как выглядит писательский ад? Думаю, это тюремная камера, где пишущий навечно остается один на один со своими двойниками.

На что похож писательский рай? У Великого Шлифовальщика Зеркал наверняка хватило фантазии измыслить то, что мы никогда не сможем себе представить. Но, оглянувшись вокруг, можем догадаться об одном - Он тоже живет где-то там неподалеку.

...Начавший, как журналист, со слова и сотворивший персонажей по своему образу и подобию. Продолживший как писатель, дерзнувший на главное - придумать для нас самого Себя.